

Е. Н. СУХАНОВА

О первоначальной редакции славянского перевода «Диалектики» св. Иоанна Дамаскина XIV в.*

Триптих св. Иоанна Дамаскина «Источник знания», содержащий полное систематическое изложение догматов православной веры, а также предваряющее его рассмотрение философских понятий, важных с точки зрения этих догматов и так или иначе вошедших в святоотеческое употребление, был очень популярен и сохранял значение дидактического и богословского авторитета на протяжении всего средневековья. Об этом свидетельствуют не только масштабы распространения рукописей, как на Западе, так и на Востоке, но и обширный список появившихся в X—XIV вв. переводов на латинский, арабский, армянский, грузинский и церковнославянский языки. В некоторых случаях, например, на грузинский язык, переводы делались неоднократно; что же касается славян, то здесь начиная с симоновского времени возникает устойчивый интерес к этому сочинению, так что без преувеличения каждая эпоха культурного подъема испытывает потребность в новом его переводе, так, на сегодняшний день известно четыре самостоятельных перевода «Источника знания» (без одной его части — «О ересь», содержание которой по каким-то причинам оказалось невостребованным).

Интересующий нас перевод XIV в., впервые представляющий полный перевод философских глав Дамаскина, так называемой «Диалектики», и «Богословия» или «Точного изложения православной веры» на языке славян, по всей вероятности, был выполнен в Сербии и должен, по нашему мнению, рассматриваться как часть интересного и еще недостаточно изученного явления, которое В. Мошин назвал сербским предвозрождением.¹ В ходе изучения текста данного перевода было высказано предположение о болгарском его происхождении и позднейшей сербской редакции. Л. Садник, занимаясь «Богословием» Иоанна Экзарха Болгарского, обнаружила русский список «Диалектики», содержащий болгарские черты, и впервые поставила вопрос об изводе перевода.² Э. Вайер поддержал это предположение в своем издании «Диалектики», приведя в его пользу некоторые доводы, от которых впоследствии, в издании «Богословия»,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 97-80080

¹ Мошин В. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. // ТОДРЛ М., Л., 1963 Т. 19 С. 94

² Sadnik L. Eine zweite sudslavische Übersetzung des Johannes Damascenus // Opera Slavica 1963 Bd 4 S. 284

отказался, увидев их несостоятельность.³ Позднее в пользу болгар высказались Г. Кайперт в Германии и Н. К. Гаврюшин в России. Г. Кайперт, аргументируя свое мнение, привел список мест из текста «Диалектики», которые он интерпретировал как болгаризмы.⁴ Большая их часть иллюстрирует одну и ту же особенность — чередование написания *к* и *ю* в основе глаголов 3-го лица настоящего времени индикатива. Однако эта черта не имеет никакого отношения к болгарской мене юсов: чередование *-je/-ju* в глаголах типа *глаголѣть / глаголють* встречается в сербских памятниках XIII—XIV вв. Так, еще А. А. Майковым приведены примеры из грамот царской канцелярии: *дрѣжѣть* и *дрѣжеть* (XIII в.), *пресе* и *проуѣсе* (конец XIV—начало XV в.).⁵ Не имея надежного объяснения данного явления (возможно, здесь результат заударной редукции), сошлемся на аналогичные случаи в русском просторечии, которое также знает чередование гласных в этой морфологической позиции после мягких согласных: формы типа «*ходют*» и т. п. Неубедительны и другие примеры «болгаризмов»: форма *gen. sing.* — *начѣти философию*, представляющая собой не что иное, как аккузатив при переходном глаголе, и т. д. Результатом этой дискуссии в настоящее время нужно признать вывод о том, что у нас нет ни одного факта, который мог бы придать вес гипотезе о болгарском происхождении перевода, как, впрочем, и такого, который опровергнул бы ее окончательно. В этой ситуации имеет смысл вывести рассмотрение проблемы на более широкий уровень и привлечь более общие соображения, нежели данные текста как такового.

Представляется, что подобный памятник мог появиться в таких условиях, где существовала потребность в переводе научного философского текста. Для его появления должна была существовать среда с определенными культурными запросами, достаточно образованная, для того чтобы справиться с этой задачей. Нам кажется, что сопоставление перевода Дамаскина еще с двумя сербскими переводами XIV в., сделанное И. Какридисом, намечает верное направление в изучении этих переводов как единого явления в литературном процессе, касавшемся в основном сербов.⁶ Техника перевода, особенности языка и способы передачи философской терминологии объединяют перевод Дамаскина, перевод Дионисия Ареопагита старца Исайи и анонимный перевод трактатов Григория Паламы, имеющий цитаты из Ареопагита, в одну группу связанных друг с другом литературных памятников (данное сопоставление косвенным образом подтверждает датировку перевода XIV в.). По всей видимости, существование переводческой школы в сербско-афонской среде XIV в. не является пустым предположением, хотя сделанное Какридисом сопоставление нуждается в более подробном изучении. Толчком для этих филологических занятий, ставивших своей целью выработку четкой и однородной философской терминологии в собственном, церковнославянском языке, были современные переводам византийские теологические споры и непосредственные контакты с византийской интеллигенцией, которая, как отмечает И. Какридис, играла периферийную роль в истории визан-

³ См.: Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI веков. München, 1991. С. 288. К сожалению, второе издание Э. Вайера было нам недоступно.

⁴ Keipert H. Rezension zu Dialektik / Weiher // Zeitschrift für slavische Philologie. 1971. Bd 35. S. 396—409.

⁵ Майков А. А. История сербского языка по памятникам, писанным кириллицею, в связи с историей народа. М., 1857.

⁶ Kakridis J. Codex 88 des Klosters Dečani und seine griechischen Vorlagen. München, 1988. S. 171—172.

тийской литературы, здесь же была посредником между двумя культурами.

В данной работе мы обращаемся к истории текста «Диалектики», а именно — к вопросу о ее первоначальной редакции, относительно которой до сих пор нет надежного представления, несмотря на то что изучение рукописной традиции памятника сильно продвинулось, благодаря работам Э. Вайера. Он, в частности, указал, что название «Диалектика» является латинским заимствованием и появляется в русских списках лишь в XVII в.⁷ До этого времени перевод философских глав Дамаскина или вовсе не имел в рукописях названия, как, например, в Крушедолском списке, изданном Э. Вайером в 1969 г.,⁸ или был озаглавлен как «Книга философская святого Иоанна Дамаскина»,⁹ или как «Книга философская о осьми частях слова». Последний вариант возник, благодаря ранней кодикологической традиции помещать «Диалектику» вместе с грамматическим сочинением «О осьми частях слова».¹⁰ Неясно, когда именно славянская традиция стала приписывать Грамматику Дамаскину и когда ее название было присвоено «Диалектике».

Два старейших сербских списка XIV в. были открыты в XIX в. Крушедолский список¹¹ первым обнаружил П. И. Шафарик, который взял из «Диалектики» несколько отрывков, озаглавив их: «excerpta e turisco serbico e 1357 sqq».¹² Второй древнейший список нашел А. Ф. Гильфердинг во время своего путешествия по Сербии — сейчас это рукопись РНБ, Гильф. 84. В. М. Загребин датирует ее серединой XIV в. Чтения этого списка подробно до сих пор никем не изучались.

К. И. Невоструев, описывая рукопись переводов Дамаскина XIV в., принадлежащую Московской Синодальной библиотеке,¹³ привел данные из текста «Диалектики», которые указывают на его сербское происхождение.¹⁴ К. И. Невоструев не делал различия между изводом перевода и изводом списка, поэтому его выводы имеют значение только для конкретной рукописи. Позднее к «Диалектике» обращались А. И. Соболевский, указавший на русские списки «Диалектики» XV в. в собрании Троице-Сергиевой лавры,¹⁵ и А. С. Архангельский, очень кратко остановившийся на переводе XIV в., целиком опираясь на данные К. И. Невоструева.¹⁶ Первым современным исследованием, специально посвященным

⁷ Weiher E. *Altbulgarische, kirchenslavische und russische wissenschaftliche Literatur* // *Anzeiger für slavische Philologie* Wiesbaden, 1967 Bd 2 S 101

⁸ Weiher E. *Die Dialektik des Johannes von Damaskus in kirchenslavischer Übersetzung* Wiesbaden, 1969 S XV (далее сокращенно — Weiher)

⁹ Например, в рукописи ГИМ, Синод собр., № 156

¹⁰ Так в рукописи РНБ, собр. Гильфердинга, № 84 (далее — Гильф. 84), Грамматика в ней идет после «Диалектики», начало рукописи утрачено, и один лист из утраченной части вставлен в текст Грамматики Э. Вайер, обращавшийся к этому списку для исследования Грамматики, заметил, что количество строк в тексте последней отличается от нормы «Диалектики» (21 строка), и предположил, что эти два текста были переписаны с разных рукописей, см. Weiher E. *Über die acht Redeteile* // *Anzeiger für slavische Philologie* 1977 Bd 9 S 372. Описание рукописи, сделанное В. М. Загребиним, см. там же

¹¹ Рукопись датируется 60—70-ми гг. XIV в. К сожалению, Шафарик не оставил ее описания, после него рукопись была переплетена и заново пронумерована, см. Weiher S XV

¹² Weiher S XIV

¹³ Рукопись ГИМ, Синод собр., № 156, см. Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки М., 1859 II 2 С 307—318

¹⁴ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание С 317—318

¹⁵ Соболевский А. И. *Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков* Библиографические материалы СПб., 1903 С 20

¹⁶ Архангельский А. С. К изучению древнерусской литературы. Творения отцов церкви в древнерусской письменности СПб., 1888 С 106

переводу XIV в., является уже упомянутая книга Э. Вайера. Ученый издал Крушедольский список, сопроводив его параллельным греческим текстом¹⁷ и немецким переводом. Неоценимым достоинством его работы является греческо-славянский и славянско-греческий глоссарий, помещенный в приложении к изданию. Он позволяет исправить неточности и прямые ошибки, допущенные Ф. Миклошичем и И. И. Срезневским, которые при составлении словарей не всегда учитывали специальное философское и логическое значение лексики «Диалектики» в ее терминологической части. К тому же ни один из существующих словарей церковнославянского языка не отражает лексику этого перевода в полном объеме, и глоссарий восполняет имеющуюся лауну. Вместе с тем, как справедливо заметил в рецензии на книгу Э. Вайера Д. Фрейданк,¹⁸ она не является критическим изданием текста прежде всего потому, что исследует небольшое количество рукописей. Э. Вайер приводит разночтения к Крушедольскому списку по 6 рукописям, причем лишь 3 из них были изучены им в полном объеме.¹⁹ Таким образом, единственным представителем русских списков в его издании является поздняя рукопись XVII—XVIII вв. (С),²⁰ чтения которой трудно оценить правильно, не изучив промежуточные звенья традиции. Здесь заслуживает внимания замечание Д. Фрейданка о том, что в некоторых списках могло иметь место позднейшее исправление текста. Именно в списке С, создававшемся в условиях нормализованной церковнославянской грамматики, лучшие с точки зрения смысла чтения не обязательно восходят к оригиналу перевода, как считает Э. Вайер, но могут являться результатом исправления на основе правильного понимания славянского текста без привлечения греческого.²¹ Еще 2 русских списка были известны автору издания лишь частично по опубликованным фрагментам.²² Кроме того, в конце издания в качестве приложения помещен список чтений рукописи, опубликованной в издании Четых Миней митрополита Макария (М).²³ Этот текст в некоторых случаях имеет лучшие, т. е. соответствующие греческому оригиналу, чтения, что Э. Вайер отмечает без комментария. Крушедольский список (А) сравнивается в основном с двумя рукописями: уже указанной русской С и рукописью XVI в. сербского извода — В.²⁴ Ограниченный набор списков, привлеченных к изданию, помешал Вайеру пойти дальше простой констатации того факта, что все 3 рукописи в большей или меньшей степени передают чтения архетипа, т. е. первоначального текста перевода.²⁵ Тем не менее выбор списка А в качестве основного списка

¹⁷ Издание Э. Вайера опередило выход в свет критического издания греческого текста «Диалектики» Б. Коттера, поэтому Вайер располагал только текстом Миня.

¹⁸ Freidank D. Rezension/ Weiher // Zeitschrift für Slavistik. Berlin, 1970. Bd 15. S. 773.

¹⁹ Они обозначены у Вайера сиглами, которые здесь будут использоваться.

²⁰ См.: Описание рукописей кн. П. П. Вяземского. СПб., 1902. С. 255 (№ 81). Издание: ПДП. СПб., 1881. Т. 23(а).

²¹ Вайер приводит список таких чтений, см.: Weiher. S. XXVIII (11a1, 25a5, 31b3, 37a7, 54a4, 59a7, 66b5, 84a6, 100b2). Два из них — 54a4 и 59a7 — имеются в списке Гильф. 84, остальные исправляют явные ошибки.

²² 1. Рукопись РГБ, Волоколамское собр., № 490, XVI в., принадлежащая перу митрополита Даниила (Ф). Две главы «Диалектики» из нее опубликовал К. Калайдович в приложении к своему изданию: Калайдович К. Иоанн Экзарх Болгарский. М., 1824. С. 81—82.

2. Рукопись ГИМ, Синод. собр., № 156 (D).

²³ Для издания привлекались кроме Софийского еще два списка Миней — Успенский и Царский. В аппарате их чтения приводятся только для пояснения основного текста, поэтому полной текстологической картины они не дают.

²⁴ Weiher. S. XIX.

²⁵ Weiher. S. XXVIII.

издания исходил из убеждения издателя в том, что именно эта рукопись ближе всего находится к оригиналу перевода.

Материал, представленный Э. Вайером, — всего лишь фрагмент общей картины, которая выяснится после изучения данных всех других имеющихся списков. По сообщению Н. К. Гаврюшина, собиравшего сведения о русских рукописях «Диалектики» и приступившего к их изучению, в рукописных собраниях России хранится около 150 русских списков, 6 из них относятся к XV в., остальные — более поздние. Некоторые важные текстологические выводы Н. К. Гаврюшина, а также отдельные его замечания представляются не совсем убедительными. Так, кажется не вполне ясным и доказательным тезис об общем протографе русских списков XV в. с «повторяющимися главами» и «юсовым правописанием». К этому прототипу Н. К. Гаврюшин относит московские рукописи РГБ, Троицкое собр., № 176, 177; ГИМ, Барс., № 90; Единов., № 86; БАН, 33.20.136, а также РНБ, КБ, № 10/1087.²⁶ Анализ конвоя «Диалектики» и глосс на полях показал, что русские списки XV в. восходят по крайней мере к двум протографам, скорее всего к болгарским, среди них рукопись КБ № 10/1087 с характерной только для нее путаницей и порчей в заглавиях стоит особняком и, возможно, имеет свой источник. Списки Единов., № 86, Троицкое собр., № 176, 177 — безусловно, близкие родственники, но их общий протограф содержал не гипотетический повтор глав с непонятной мотивацией, а случайную перестановку тетрадей. Только в XVI в. ошибку заметили и пытались исправить: в рукописи МДА № 149 (нач. XVI в.) образованная перестановкой лакуна частично восполнена на полях.

Таким образом, дальнейшее изучение списков «Диалектики», хранящихся в России, должно будет прояснить число и характер всех протографов, к которым они восходят. Большинство русских рукописей относится к XVII в., поэтому можно думать, что они представляют собой звенья замкнутой рукописной традиции. Однако, возможно, и этот материал уточнит и дополнит наше представление о первоначальном этапе развития текста.

Наиболее ценные для настоящей задачи данные содержат ранние списки «Диалектики» в рукописном собрании РНБ — сербский Гильф. 84 и два русских списка XV в.: КБ 10/1087 и КБ 125/250. Вместе с изданием Э. Вайера и некоторыми сведениями, данными Н. К. Гаврюшиным, имеющийся материал является достаточным для того, чтобы попытаться выяснить отношения между древнейшими списками «Диалектики». Кроме того, здесь привлекается группа рукописей, обозначенных Н. К. Гаврюшиным как «сводная редакция», «соединяющая текст, восходящий к протографу Круш. 63 [т. е. Крушедольского списка] <...> с текстом, родственным Гильф. 84».²⁷ КБ 127/252, Соф. 1196, Q.I.874. Их изучение позволит уточнить данную характеристику и сделать некоторые выводы относительно этого периода истории текста.

Э. Вайер указал на то, что совпадения рукописей В и С, как в ошибках, так и в правильных чтениях, доказывают их большую близость друг к другу, чем В и А или С и А. Вместе с тем в аппарате издатель несколько раз отмечает случаи совпадения В и А против С, которые несомненно предполагают их происхождение от общего источника:

²⁶ Гаврюшин Н. К. 1) «Диалектика» Иоанна Дамаскина на Руси // Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность. Киев, 1987. С. 76; 2) О ранних списках славяно-русской «Диалектики» // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1986. Т. 45. С. 279—284.

²⁷ Гаврюшин Н. К. «Диалектика» Иоанна Дамаскина на Руси. С. 77.

А, В: **родн наньгл[агол]ют се родми**,²⁸ **видн же не наньгл[агол]ют се родми** — 97а7. Ср. С: **роды наньглаголют са видоуми ѡко соборнѣнша соуть видовъ**.²⁹ **виды же не наньглаголют са родми**

Пропуск в А и В соответствует греческому $\omega\varsigma$ καθολικότερα.³⁰ Другой пример — 58aff, где обе рукописи пропускают текст, который в В был дописан другой рукой позже; этот текст есть в С и Гильф. 84.

Главным результатом обращения к списку Гильф. 84 является установление принадлежности его текста к тому типу, представителями которого можно считать списки В и С. Причем подавляющее число чтений, отличающих этот список от Крушедольского, представляют собой те самые чтения, которые отделяют от последнего списки В и С. Это не только перевод некоторых логических терминов, но и целый ряд менее характерных чтений. Таким образом, тот вариант текста, который Вайер считал результатом постепенной порчи первоначального текста в процессе переписки, оказался почти современен Крушедольскому типу, если считать, что оба сербских списка XIV в. недалеко отстоят от времени возникновения собственных протографов, а те — от оригинала перевода, на что, может быть, указывает хорошее состояние текста в целом в обоих списках. Н. К. Гаврюшин, ознакомившись с рукописью Гильф. 84, счел необходимым перенести перспективу постепенного изменения в противоположном направлении и отодвинуть время создания перевода к XIII в.

Между тем анализ разночтений показывает, что некоторые из них не могли возникнуть случайно, а были как раз следствием «разовой sprawy», которую категорически отрицает Н. К. Гаврюшин.³¹ Представляется, что материал позволяет допустить возможность интерпретации всего набора разночтений в целом как редакции в тексте А на основе текста типа Гильф. 84.

Примечательной чертой списка А является перевод нескольких греческих терминов:

ἐξίς — **нмьство**

εἰδικότερον εἶδος — **виднѣншии видъ**

κατηγόρια — **наньглаголанник**

κατηγορεῖν — **наньглаголати**

Однажды встречается перевод **оглаголанник**, но вариант с **нань-** преобладает. В списках В и С им соответствуют: **великомѣнник**, **своиственѣншии видъ**, **оглаголанник**, **оглаголати** как преобладающий вариант перевода.

Обратимся сначала к тем разночтениям, о которых уже шла речь. Термины ἐξίς и εἰδικότερον в списке А переведены правильно, тогда как в Гильф. 84, В, С и всех русских списках, привлекаемых к работе, первый дает странный вариант **великомѣнник**, перевод второго представляет собой явную ошибку: **своиственѣншии видъ**. Термин **наньглаголанник**, преобладающий в А, может выступать как маркированный по отношению к более обычному и встречающемуся в бытовом контексте слову **оглаголанник** и его дериватам. Э. Вайер полагал, что список А содержит два чтения оригинала: **наньглаголанник** и **нмьство**. Относительно перевода **своиственѣншии видъ** он замечает, что происхождением

²⁸ Ошибка в А: В — **виды**.

²⁹ **соуть видовъ** — позднейшее прибавление, его нет в Гильф. 84.

³⁰ Weiher. S. 85.

³¹ Гаврюшин Н. К. О ранних списках славяно-русской «Диалектики». С. 283.

его могла быть ошибка в греческом протографе: $\text{idik\acute{o}\tau\alpha\tau\omicron\nu}$. Это объяснение следует признать самым естественным и вполне правдоподобным, тем более что мы имеем след аналогичной ошибки в 55b6: славянский перевод **званиць** предполагает греческое $\kappa\lambda\eta\sigma\epsilon\iota$ вместо $\kappa\lambda\acute{\iota}\sigma\epsilon\iota$ ³² — следовательно, ошибки в орфографии под влиянием итацизма были свойственны греческому списку, послужившему оригиналом для перевода. К тому же рукописи Гильф. 84, В и С здесь непоследовательны, так как содержат и правильный вариант **видѣнѣиши видѣ**. Эти колебания славянских списков в переводе отражают спонтанный характер подобного рода ошибок.

Приведенное рассуждение показывает, что в данном случае рукописи Гильф. 84, В и С являются «держателями» первоначального чтения. Исправить такую ошибку без привлечения греческого текста невозможно, и нужно предполагать как более вероятное, что в рукописи А она была устранена с помощью другого греческого списка. Единственное место, оставшееся неисправленным (19a5, в названии 10-й главы), возможно, осталось незамеченным.

С переводом $\xi\zeta\iota\varsigma$ дело обстоит гораздо сложнее. Списки Гильф. 84, В и С употребляют здесь **имѣник** (редко), **великомѣник** и **великомѣство** (последнее слово только в В и С). Э. Вайер пишет, что «оба композита не имеют смысла и, должно быть, возникли в рукописной традиции как вторичное явление».³³ Ф. Миклошич счел два последних образования ошибкой самого переводчика, как следует из его замечания к месту 89b4: «*interpres sensum non intellexit*».³⁴ Его мнение кажется нам более правильным, так как найти убедительный мотив, по которому один из писцов заменил правильный вариант на малопонятный, не удалось и Э. Вайеру. Он предлагает видеть здесь случайную ошибку в результате понимания **имѣства** как «обладания».³⁵ Но это объяснение касается только второго элемента композита и оставляет без внимания первый (**велико-**). К тому же случайная порча могла возникнуть в одном месте, в крайнем случае в одном списке, так как не все поздние списки восходят к Гильф. 84. Последовательное исправление всех мест, где это слово встречается, свидетельствовало бы о редакции с непонятной мотивировкой. Наконец, ни один из словарей, включая Пражский словарь под ред. Й. Курца, не фиксирует употребление слова **имѣство** в значении «имение, обладание». Поэтому более разумным было бы присоединиться к мнению Ф. Миклошича в том, чтобы считать **великомѣник** первоначальным вариантом перевода. В Гильф. 84 дважды против этого слова (75b8 и 76a8) на полях той же рукой написано **имѣство** (л. 34, 34 об.). Возможно, это помета автографа, отражающая колебания переводчика относительно собственного перевода.

В этом случае все равно остается необходимым объяснить необычное образование, послужившее эквивалентом греческому $\xi\zeta\iota\varsigma$. Наблюдения за характером и способами перевода XIV в. позволяют утверждать, что его автор был хорошо знаком с опытом передачи философской терминологии, имевшимся в симоновских переводах. Так, его перевод пяти из десяти терминов-категорий совпадает с переводом в «Изборнике 1073 г.»: **родъ, видѣ, качество, лишенник, слоучан**; сюда можно добавить и встре-

³² На это указал М. С. Сироткин в комментарии к славянскому тексту, изданному в ВМЧ (М у Вайера), см.: Великие Минеи Четьи. М., 1901. Декабрь. Дни 1—5. Стб. 350.

³³ Weiher. S. 175.

³⁴ Цит. по: Weiher. S. 175.

³⁵ Ibid.

чающийся в Гильф. 84 перевод **имѣник** для $\xi\zeta\iota\varsigma$,³⁶ в этом же ряду стоит **кстество**, **лице**, **оуставъ**. Эта традиционность перевода «Диалектики» XIV в. становится особенно выпуклой на фоне появившегося в XV в. перевода «Логики» Авиасафа, так называемой «логики жидовствующих», автор которого смело экспериментировал с языком, так что уже первые его читатели не понимали текста, о чем свидетельствуют глоссы из «Диалектики» XIV в. на полях рукописи, играющие роль словаря для чтения иноязычного текста.³⁷

Другие термины переведены самостоятельно: $\omicron\upsilon\beta\iota\alpha$ — **соущек** (**соущество** в «Изборнике 1973 г.»), $\upsilon\lambda\omicron\upsilon\tau\alpha\varsigma\iota\varsigma$ — **съставъ** и др. Там, где традиция не имела соответствующего опыта перевода или он не удовлетворял переводчика, последний часто прибегал к приему семантического калькирования, широко применявшемуся в современной ему практике: соответствующему слову славянского языка в контексте усваивалось значение, свойственное греческому. Для научного философского текста этот путь был неизбежен, поскольку предшествующая славянская литература формировалась совсем на других текстах.³⁸ В некоторых случаях автор перевода, предупреждая непонимание, вслед за переводом дает толкование, например, при переводе $\delta\iota\acute{\alpha}\theta\epsilon\iota\varsigma$ и $\delta\iota\acute{\alpha}\kappa\epsilon\iota\tau\alpha\iota$ симеоновский перевод **любы**,³⁹ конечно, не устраивал автора, и он передает $\delta\iota\acute{\alpha}\theta\epsilon\iota\varsigma$ как **завещаник**, а глагол как **завещактъ се**, делая пояснение: **свонть во се** (76b5). Бытовое значение $\delta\iota\acute{\alpha}\theta\epsilon\iota\varsigma$ — «завещательное распоряжение», как и $\delta\iota\alpha\theta\eta\kappa\eta$ — «завет», было хорошо известно. Новое значение — «обладать каким-либо свойством» — образуется уже в самом тексте. Другой пример — 21a7: **видѣнѣиши видъ, сирѣчь свьсма шсовни**. Эти примеры демонстрируют стремление переводчика или переводчиков разработать собственную парадигму значений, параллельную греческой полисемии. Таково, по всей видимости, было развитие термина **имѣник** — отлагольного образования, как и $\xi\zeta\iota\varsigma$.

Интересно, что сам текст «Диалектики» мог подсказать такой способ перевода. В главе 59-й идет речь о значении слова $\xi\zeta\iota\varsigma$: 1) «обладание» — от переходного $\epsilon\chi\omega$; 2) «устойчивое состояние, свойство» — от непереходного $\epsilon\chi\omega$; 3) «способность к восприятию состояния» — от $\epsilon\chi\omega$ $\pi\rho\acute{o}\varsigma$ $\tau\iota$. Под влиянием парадигмы значений греческого глагола (не обязательно в связи с «Диалектикой») у славян тоже развивалось непереходное **имѣти** — см. указание об этом в Пражском словаре: *gattissime absol. (per imitationem textus graeci)*.⁴⁰ От него в симеоновское время было образовано **имѣник**.

³⁶ Вайер, считавший перевод XIV в. не зависимым от «Изборника» (см. Weiher S 175), позднее изменил точку зрения, см. Weiher E Zur sprachlichen Rezeption der griechischen philosophischen Terminologie in Kirchenslavischen // Anzeiger für slavische Philologie 1972. Bd 6

³⁷ Н. К. Гаврюшин правильно интерпретирует назначение этих глосс, см. Гаврюшин Н. К. «Диалектика» Иоанна Дамаскина на Руси С 77. Однако утверждение, что в переводе определяется философская терминология, унаследованная затем русским языком, ошибочно: термины, приводимые им для иллюстрации — вид, род, качество, количество, не являются изобретением перевода XIV в.

³⁸ От калек нужно отличать те редкие, впрочем, случаи, когда переводчик просто не понимал, в каком значении употреблено многозначное греческое слово, и давал перевод более привычного значения. Так, слово $\phi\rho\alpha\iota\omicron\nu$, употребленное в значении «результат», «итоги» (название предпоследней главы), передается обычным, известным по библейским переводам способом как **красно**.

³⁹ Возникший в богословском контексте (обозначавший связь Бога и человека) перевод был перенесен в астрономический и логический контекст «Изборника 1073 года», см. Weiher S 157.

⁴⁰ Slovník jazyka staroslověnskeho Praha, 1966 Lf 13 S 768

Как следует понимать термин **великомѣнник**, если иметь в виду, что он не являлся собой полную бессмыслицу? Нам представляется, что он мог появиться под влиянием двух факторов: неудовлетворенности сimeoновским переводом **имѣнник**, где термин заслонялся исконным славянским омонимом от переходного **имѣти**, и конкретного контекста «Диалектики» в главе «О качестве», где идет речь о разграничении двух близких понятий: $\epsilon\acute{\xi}\iota\varsigma$, т. е. устойчивого свойства, и $\delta\acute{\iota}\alpha\theta\epsilon\sigma\iota\varsigma$ — менее устойчивого свойства, чем $\epsilon\acute{\xi}\iota\varsigma$. Терминология восходит в конечном счете к Аристотелю, где, согласно Х. Йоахиму, противопоставление между $\epsilon\acute{\xi}\iota\varsigma$ и $\delta\acute{\iota}\alpha\theta\epsilon\sigma\iota\varsigma$ представляет собой вопрос о степени в шкале характеристик:⁴¹ $\epsilon\acute{\xi}\iota\varsigma$ — более постоянное, сущностное свойство, $\delta\acute{\iota}\alpha\theta\epsilon\sigma\iota\varsigma$ — непостоянное, относящееся к прिवходящему. Мог ли первый компонент композита выражать идею степени? Словари дают некоторое основание для такого предположения.

Пражский словарь: **великъ** — $\mu\acute{\epsilon}\gamma\alpha\varsigma$, $\mu\alpha\kappa\rho\acute{o}\varsigma$, $\kappa\rho\alpha\tau\alpha\iota\acute{o}\varsigma$; **велии** — *etiam de tempore*: **велии часть**.⁴²

Словарь И. И. Срезневского: **по великоу** — очень; **великогласныи**.⁴³

Словарь Г. Дьяченко: **вельроучник** — сильная рука (др.-рус.); **велеоумно** — весьма умно.⁴⁴

Неологизм **великомѣнник** мог указывать на степень качества и означать что-то вроде «сильного, долгоприсущего свойства». В таком случае мы имеем неудачную попытку противопоставить данное понятие $\delta\acute{\iota}\alpha\theta\epsilon\sigma\iota\varsigma$, переведенному формально и не вызывающему нужного представления. Между прочим, в русском языке так и не появились адекватные греческим термины, их заменяет описательный перевод, так что неудача объяснялась объективной ограниченностью славянского языка.

Понятно, что этот перевод не получил распространения, и последующая переводческая практика заменяет его на **имъство**.⁴⁵ Однако все списки «Диалектики», за исключением Крупедольского и четырех восходящих к нему,⁴⁶ сохраняют **великомѣнник**, как Гильф. 84, или допускают модификации, вроде **великомѣства** (В) или **великомѣнства**, отразившегося в русских списках XV в. Вариант **великомѣство имѣнник** в тексте В объясняется вышеупомянутыми глоссами в этих местах (75b8, 76a8) в тексте Гильф. 84: писец В внес глоссу в текст, заменив ею второй компонент композита.

Что касается термина **нанѣглаголанник**, то теоретически можно допустить, что его преобладание могло быть чертой перевода в момент его создания, но поскольку оно присутствует в рукописи, уже содержащей правку первоначального перевода, то ничто не мешает предположить, что оно также возникает вторично. Но именно только предположить, поскольку развитие и распределение вариантов **нанѣглаголанник** и **оглаголанник** могло иметь собственную динамику и необязательно связано с редакцией. Как бы то ни было, изменение перевода двух других терминов ясно показывает мотивы редакции — стремление к нормализации лексических средств перевода, передаче одного греческого термина одним славянским соответствием, выбор более удачных вариантов перевода, ис-

⁴¹ Aristotle. The Nicomachean Ethic / A commentary by H. N. Joahim. Oxford, 1955. P. 85.

⁴² Slovník jazyka... 1961. Lf. 4. S. 171—172. Курсив мой. — Е. С.

⁴³ Срезневский. Материалы. М., 1958. Т. I. С. 237, 234.

⁴⁴ Дьяченко Г. Полный словарь церковнославянского языка. М., 1993. С. 71, 69.

⁴⁵ Так в переводе старца Исайи.

⁴⁶ Выявлены Н. К. Гаврюшиным, см.: Гаврюшин Н. К. «Диалектика» Иоанна Дамаскина на Руси. С. 77.

правление допущенных ошибок. Таким образом, Гильф. 84, а не Крушедольский список, отражает текст первоначального перевода. Это касается и маргиналий. В списке Гильф. 84 против некоторых терминов приведены греческие соответствия, которые, подобно случаю с переводом **великомѣник**, должны были пояснять смысл славянских неологизмов: **сѣвра-ник** — συλλογισμός, **прѣдчиник** — πρότασις и др. Н. К. Гаврюшин считает, что маргиналии в Гильф. 84 — явление вторичное.⁴⁷ Однако легче представить, что они были внесены в рукопись тогда, когда греческий текст находился перед глазами, т. е. во время перевода.

Кроме трех рассмотренных терминов Крушедольский список содержит еще целый ряд лексических вариантов, характерных только для него:

Крушедольский список

κατάφασις **прѣрѣник**

ἀπόφασις **ωτρήник**

ἐπιτήδειος **хытросъ** (89а, 89а6, 89а4)

κρήπις **крѣпость** (89а3)

Гильф. 84 и все остальные

нанѣреченик (везде, кроме заглавия 63-й главы, — та же особенность, что и в случае с переводом **свонственѣншии видѣ**)
ωτρήеник
потрѣвьство

Некоторые другие варианты:

Крушедольский список

90а4: **вѣне**

40а3: **каково**

70а3: **прѣмножеством**

89а9: **наста**

91а5,6: **послѣдник**

92б5: **оумалкник**

99а9: **нзъавнѣтельно**

102а: **сѣмышакник**

102а6: **сѣмышакникмъ**

104б7: **горѣноснѣше**

92а2: **нижеденни**

Гильф. 84 = В = С и др.

лише

кок

прѣимѣникмъ (ὀπεροχή)

прибысть

послѣди

оубываник

ω(τ)речнѣтельно (возможно, передает ошибку в греческом тексте: ἀποφατικός вместо ἀποφα-ντικός)

оумышакник

мыслию

горещнѣше

сѣвъве(д)ннама

(Вариант Крушедольского списка — правильный перевод греческого κατενεχθέντα; вариант Гильф. 84, возможно, соответствует συνενεχθέντα в греческой рукописи либо дает неточный перевод, копируя при этом формулу среднего рода множественного числа.)

92а4: **вез мала тремъ**

ближним тремъ

(Данные разночтения для ἀντίκειται... σκεδόν τοῖς ἄλλοις τρισί в следующем контексте: **сѣ же ωбразъ соупротивляежитъ прѣвому и вътором(ъ) и без мала тремъ** — наречие σκεδόν в греческом тексте выражает ту идею, что значение термина «вместе», о котором идет речь, находится в отношениях не столь четкого противопоставления с некоторыми значениями «последующего» и «предшествующего», как это обстоит в случае с первыми двумя их значениями, соответственно тому порядку, как они даны в описании св. Иоанна. Весьма возможно, что переводчик понял наречие с последующим дативом как предложное сочетание **влизъ нигѣмъ тремъ**, которое в Гильф. 84 превратилось в **ближним тремъ** (ср. в тексте Миней: **ближни(м) нигѣмъ тремъ**). Создатель редакции А исправил ошибку, но пропустил в переводе греческое ἄλλοις.)

⁴⁷ Там же. С. 76.

В Гильф. 84 последняя глава озаглавлена **W** **с̑ъставѣ** — соответствует греческому περί στοιχείου. В списке А его нет: возможно, редактор решил устранить совпадение с переводом термина ὑπόστασις — **с̑ъставѣ**, но, скорее, этого редчайшего в греческих рукописях заглавия⁴⁸ не было в греческом списке, который он привлекал для редакции.

Показателен пропуск, допущенный писцом Гильф. 84 в 89a4—89a6, говорящий о том, что в протографе списка существовал единообразный перевод для ἐπιτήδειος — **потрѣбство**.

А: **родь оуѣш имать хитрость, нѣкаа же ѡ(т) видовъ не имоуть. животнок во имать крѣпость кже зрѣти, крьть же, видь сын животного не имать хитрости кже ззѣти.** Гильф. 84: **родь оуѣш имать потрѣбство кже зрѣти.**

Чтение **потрѣбство** сохраняет дальнейшая традиция: В повторяет пропуск Гильф. 84, а С делает пропуск по-другому: **родь оуѣш имать потрѣбства кже зрѣти, крьть же, видь сын животного не имать потрѣбства кже зрѣти.** А заменяет **потрѣбство** на **хитрость** и **крѣпость**, что не противоречит тенденции редактора к нормализации средств перевода, так как данные греческие слова не являются терминами.

Подробное сравнение Крушедольского списка с Гильф. 84 показывает, что в первом можно выделить несколько слоев чтений. Часть из них свидетельствует о том, что субстратом для редакции А послужил текст, ближайшим образом связанный с Гильф. 84. Это общие пропуски текста в 51b и 94b4, которые сохраняет текст Четых Миней, как установил Э. Вайер (теперь можно добавить, что русские списки XVI в. РНБ, Соф. 1196, Q.I.874, КБ 127/252 также сохраняют текст в этих двух местах);

А: **кже на мѣсто пришествиа**, ср. В: **пришествие** — 60a9
кже с̑дѣти, ср. В и С: **с̑дѣти** (τὸ καθίσθαι) — 83a8
гдѣ вместо **когда** — 84a6
количково (τὸ πηλικόν) —

писцы В и С не понимали слова без греческого текста и искажали его⁴⁹ — 71a.

Этот факт — общая основа Гильф. 84 и А — объясняет в свою очередь то обстоятельство, что список В, безусловно восходящий к Гильф. 84 (видно по совпадениям в подавляющем большинстве чтений), в двух случаях пропускает тот же текст, что и список А, — 37a7, 58a.

Что касается чтений, разделяющих Гильф. 84 и А, то они почти без остатка делятся на те разночтения, которые принадлежат сознательной правке, т. е. вышеописанной редакции А, и на чтения, которые имеют совсем иной характер, по большей части это ошибки, происходящие от невнимательности писца списка А и непонимания текста:

47a6 **качества** вместо **нужного врачества**
 47b6 **знакма** вместо **знаменакмаа**
 47b8 пропуск предлога **ѡт**
 48b5 **ѡко и снѣ** вместо **ѡже**
 54a6 пропуск текста: **выпрошеник высть**
 56a4 **ѡт** вместо **ѡ**
 56a7 **иже** вместо **иχ[ъ] же** (τὼν δέ)
 62b3 **слѡчмаа** и **с̑става** вместо **соу̑щества** и **слѡчмаа**
 91b3 **къ** вместо **съ** и др.

⁴⁸ Из всех известных рукописей лишь одна имеет заголовок — 514 у Б. Коттера, см.: Kötter B. Die Überlieferung der Pege Gnoeseos des Johannes von Damaskus. Ettal, 1959.

⁴⁹ Weiher. S. 165.

Совпадение этих двух групп разночтений в одном списке дает основание предполагать, что перед нами два разных слоя разночтений: редакция А дошла до нас не в собственном виде, но прошла через руки посредственного писца, допускавшего пропуски и ошибки. Конечно, часть из них могла относиться к тому, что мы назвали субстратом редакции, так как он не был тождествен с Гильф. 84. Однако лишь незначительная часть, тогда как здесь перечислена приблизительно треть подобных чтений Крушедольского списка. Остаток от деления разночтений на две группы составляют чтения, которые могли бы войти и в ту, и в другую, например, 48b2: *соуцоу* (А): *соуциномоу* (Гильф.), всего : и всего (= греч.), *сен* : *инои* и т. д.

Количество списков, восходящих к редакции А, далеко уступает числу рукописей, содержащих первоначальный вариант текста. Среди русских рукописей XV в. нам известен только тип Гильф. 84. К нему относятся рукописи РНБ КБ 10/1087 и КБ 125/250 (1446 г. и конца XV в.): кроме трех терминов: *своиственѣишии видь*, *оглаголаник* и *великомѣник*, — чтения *елижним* *тремь*, *прѣимѣникмь*, наличие текста, пропущенного Крушедольским списком, в 67a8, и другие черты объединяют каждый из списков с Гильф. 84.

Беглое сравнение этих списков показало возможность их общего происхождения, но КБ 10/1087 не была источником для КБ 125/250. Их особенности:

- написание *масоуѣмскомоу* вместо *маіоуѣмскомоу*; вариант *великомѣнство*;
- родь старѣиши ксть видовь* вместо *родь старѣиши ксть видь* — 33a9;
- собна* вместо *шсобна*;
- сѣбывати* вместо *спрѣбывати* — 33b6; 34a5.

В них сильна порча текста: дублирование строк, пропуски, ошибки типа *сстваѣ* вместо *оустаѣ* (49a7 — КБ 10/1087, л. 47). Список КБ 10/1087 отличается особенной небрежностью: глава 51 *ш-ш(т)нихъ-именныхъ* по ошибке названа здесь *ш въкоупенменныхъ*, глава 52 *ш десетихъ роднѣишихъ родь* — *ш ниже наньглаголемыхъ*, в названии других глав допущены ошибки, некоторые заглавия отсутствуют вовсе. Последняя глава названа, как в Гильф. 84, *Ш съставѣ*, однако сербский вариант первого слова главы *стихнш* заменен на *стихнн*.

Оба списка обнаруживают следы болгарского посредства, в КБ 10/1087, например: *повинѣтася подкланялася повелѣниа. и штверзда оуста. оуповаѣ вашими мѣтвами пако исполнѣти (с) дѣхмь. и възъглаголѣ слова не смысла плодъ мое(г).* и т. д. (л. 11) — ср.: *повиноу се, подкланяю се повелѣнию и штверзю оуста, оупьваѣ вашими мѣтвами, пако испльнѣти се дѣхомь, и възъглаголѣ слова не смысла плодъ моего...* (3a3 sqq), или в КБ 125/252: *мола сѣ* на месте *молю се* л. 347 об. и др.

Списки XV в., Соф. 1196, Q.1874, КБ 127/252, напротив, отличаются хорошим состоянием текста. Они, как было сказано, сохраняют текст там, где А, В, Гильф. 84 его утратили. К этой группе относится рукопись Миней, а также близкая ей рукопись ГИМ, Синод. собр., № 156 (D у Вайера), по всей видимости, все они восходят к одному источнику, сербскому, как можно судить по отсутствию болгаризмов. То, что русские писцы не обращались к греческому тексту, а пользовались хорошей сербской рукописью, ясно по ошибке в греческом слове *συντρίστος* в глоссе рукописи Соф. 1196: *симнеразма*. Другие рукописи, впрочем, ее не повторяют. В целом картина чтений этих рукописей довольно сложна. Подавляющее число вариантов, в том числе перевод *своиственѣишии видь*

и **великомѣник**, связывают их с традицией Гильф. 84. Особенности расположения и строения схем, поясняющих текст, а также размещение глосс повторяют картину, известную по рукописи В. Последняя представляет собой тот тип рукописей, который сформировался к XVI в. на основе Гильф. 84. В вносит некоторые глоссы Гильф. 84 в текст, остальные были внесены в рукопись позднее другой рукой (русские списки имеют их в полном составе). Поэтому можно считать, что она была отредактирована по рукописям, родственным протографу русских рукописей XVI в. С другой стороны, эти рукописи содержат небольшое количество чтений Крушедольского списка, которые вряд ли могли появиться случайно:

56b3: пропуск *въчера*

58b: по(а) *дрюгъ дроугоу* вместо *подъ дроугъ дроугомъ*

60b: по *нен же* — ср.: Гильф. 84, В: *пониже* (испорч.)

49b2: *словаца широка, сирѣчь простерѣтыхъ и велицѣхъ* вместо *словаца широка, сирѣчь простерѣта и великаа*, как в Гильф. 84 и В,

а также яркую черту, выделяющую этот список, — преобладание термина **наньглаголанник**. Доля участия списка типа А, по сравнению с типом Гильф. 84, очень мала. Эта диспропорция позволяет говорить лишь о влиянии А на тип Гильф. 84 в протографе XVI в., базовой рукописью которого была сербская рукопись, близкая В. То, что перед нами контаминированный текст, а не отражение какой-либо ступени развития текста типа Гильф. 84, видно в чтении 52b8: *опрѣдѣли орисень*, состоящем из формы аориста, встречающейся только в А (в остальных рукописях *опрѣдѣлѣ*), и глоссы, известной по Гильф. 84, внесенной в русских списках в текст, как в рукописи В. Наличие текста там, где А, В и Гильф. 84 его пропускают, говорит о том, что при создании контаминированной редакции привлекались не две, а несколько рукописей, причем следов использования греческого текста нигде не обнаружено.

Таким образом, если данная реконструкция истории текста перевода подтвердится дальнейшими исследованиями, то можно будет говорить о двух периодах распространения «Диалектики» на Руси: болгарском в XV в. и сербском в XVI, когда русские писцы получают доступ к хорошим сербским спискам как той, так и другой редакции. Возможно, именно они создают «сводную» редакцию, используя оба типа текста, во всяком случае сербских контаминированных рукописей пока не выявлено. Эта картина согласуется с принятыми представлениями о характере русско-болгарских и русско-сербских связей и путях распространения рукописей со славянского юга на Русь.